

**Ы. Алтынсарин атындағы облыстық балалар мен
жасөспірімдер кітапханасы**

**Костанайская областная библиотека для детей и юношества
имени И. Алтынсарина**

Ақция «Одна страна — одна книга»

Чуткость сердца

*Памятка о творчестве
Фаризы Онгарсыновой.*

2013 год

Уважаемые коллеги!

В 2013 году акция - «Одна страна - одна книга», посвящена творчеству лауреата государственной премии, писательницы Фаризы Онгарсыновой. Памятка призвана рассказать о творчестве Фаризы Онгарсыновой и предоставить подборку её стихов, переведенные на русский язык. По словам членов оргкомитета, работы поэтессы наполнены патриотизмом и жизнелюбием. В качестве книги года, казахстанцам предложили сборник лирических произведений под названием «Дауа» - «Откровение».

Незауряден талант Ф. Онгарсыновой. Ее поэзия — одна из ярких и необходимых страниц литературы. Главное же в ней то, что она – личность. Всегда и везде, постоянно и неизменно она верна себе, остается самой собою.

Фариза Унгарсынова

5 декабря 1939 г. родилась в ауле Манаш Махамбетского района Гурьевской области. Окончила Гурьевский государственный педагогический институт.

В 1961-1969 гг. — преподаватель языка и литературы, директор средней школы.

В 1966 -1968 гг. — сотрудник областной газеты «Коммунистік еңбек». 1968-1970 гг. — собственный корреспондент республиканской молодежной газеты «Лениншіл жас» по западным областям Казахстана.

В 1970-1978 гг. занимала должность редактора республиканской газеты «Қазақстан пионері».

В 1978-2000 гг. - главный редактор республиканского журнала «Пионер».

В 2000 году была избрана депутатом Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

Автор поэтических книг «Алмазный клинок», «Гордое поколение», «Беспокойная пора», «Зной», «Откровение», «Исцеление», «Ожидание солнца» и многих других.

Народный писатель Республики Казахстан, лауреат Государственной премии РК.

Награждена орденом «Знак почета», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Казахстана.

Фариза Унгарсынова родилась на крайнем западе Казахстана. Кругом пески - ни родника, ни ручья, только немногие колодцы. Ребенком Фариза мечтала о большой воде, о расцвете пустынного малолюдного края. Мать Фаризы любила народные сказания, старинные казахские песни. Долгими зимними вечерами дети читали вслух книги, учили на память поэтические произведения. Многим Фариза обязана матери, старавшейся, чтобы дети росли свободно, не скованные цепями давних традиций и запретов.

Старинная классическая поэзия с детства стала природным строительным материалом таланта Фаризы Унгарсыновой, а современное звучание ее стихи обрели потому, что после окончания института она долго работала в области журналистики, т. е. была в центре событий, людей и фактов. С жизнью и современностью она разговаривает на равных, не упрощая и не подстраивая себя под безликий средний стиль.

Но в горячей любви к вечной степи, к родному аулу у Ф. Унгарсыновой нет той ностальгической ноты, которая настораживает критику в иных произведениях некоторых молодых казахских литераторов. Лирическая героиня ее стихов, живя в городе, волнуясь заботами большого мира, решая для себя проблемы глобальные, вовсе не видит во всем этом чего-то чуждого своему первому, детскому, «малому» миру. Ведь и аульное детство нашей современницы входило во вселенную большой действительности, его обвевал горький ветер войны:

*Я росла и ждала:
Вот откроется дверь и войдет,
Крикнет: —Дочка, узнала?! —
Прижмется колючей щекою.
Но без ласки отцовской
За годом проносится год.
Без отцовской руки.
Я не знаю, что это такое.*

(Перевод П. Кошеля)

С детства большой и малый миры для лирической героини стихов казахской поэтессы едины, противопоставлять их невозможно. И Фариза с одинаковой искренностью и волнением славит и бег аргамака в степи, и растущие в ней молодые города, и «непокорность и твердость пустыни», и встающие над ней буровые вышки.

Характернейшее свойство ее лирики - защита человечности, любви и достоинства. И отстаивая эти величайшие духовные ценности в обыденной жизни, она всегда остается бескомпромиссной.

Фариза Унгарсынова автор поэтических книг «Алмазный клинок», «Гордое поколение», «Беспокойная пора», «Зной», «Откровение», «Исцеление», «Ожидание солнца» и многих других.

В книгах поэтессы часто возникают фольклорные образы, старинные предания. Вкус древнего поэтического слова, сверкающего алмазным блеском, постоянно чувствуется в ее дерзких, напористых строках. Верность классическому наследию, русским и мировым лирическим и эпическим образцам помогает Ф. Онгарсыновой внести в лирику тонкий психологизм, свойственный нашему времени с его повышенным вниманием к духовной жизни человека, к самым малозаметным движениям его души. Вот почему многие творения Фаризы естественно воспринимаются в качестве подлинного документа, говорящего о нашем времени, нечаянной исповеди, лишь запечатленными поэтическим пером.

Талант Ф. Онгарсыновой – многосоставное целое. В нем и дух истинного патриота, и преданность отеческой земле, и сосредоточенность, и углубленность серьезного художника. Ее творчество – это сплав лирического и публицистического начал, проникнутых чувством интернационализма, сознанием высокого долга служения народу.

Исключительная чуткость и отзывчивость сердца слышатся неизменно при чтении этих книг. Оригинальная, самобытная логика мысли, задушевная нежность чувств отличают эти книги, получившие всеобщее признание.

*Меня упрекают, что много стихов
Пишу о любви.*

*Но в звездные ночи о том же без слов
Поют соловьи.*

Так начинается цикл стихов, включенных в раздел книги «Нежность». Значит, петь о любви «словно соловьи» — естественное назначение поэтессы, ее душевная потребность. Разница только в том, что она выражает это в словах. Далее следует объяснение сути своего поэтического кредо, заключающегося в том, что при любви «нежно и чисто светлеет душа», что писать о ней, «это значит, что писать о жизни».

Близкое рассмотрение вопроса убеждает нас в этом. Действительно, любовь в конкретном и обобщенном значении представлена в лирике Фаризы Унгарсыновой органически слитно с жизнью, со всеми ее реальными очертаниями.

*Сказанья о земле моей любимой,
О горестях и радости побед
Вошли мне в душу.
И, наверно, с ними
Страсть к жизни родилась в любви к тебе.*

Именно страсть к жизни составляет сердцевину поэзии Ф. Унгарсыновой, жар души ее лирической героини. Она же — страсть к жизни, обуславливает силу и глубину чувства любви, как и ненависти, которые выступают в контрастном и непримиримом противоречии между собой. Обнаруживается оно в глубинной нежности любовной лирики, а также в искренности, интеллектуально-эмоциональной окрашенности патриотической лирики поэтессы. Лирическая героиня Фаризы — это не оторванная от мира одиночка, занятая своими узкими личными интересами, а активная личность, чувствующая себя в ответе за все в мире и принимающая все близко к сердцу. Она любит не только своего любимого, но и свой народ, родную землю, Отчизну. Но чувство это выступает у Фаризы не навязчиво, не декларативно, а тонко, органически вплетаясь в любую тему. Особенно выпукло и рельефно запечатлено оно в стихах, собранных в разделе «Песни счастья», который занимает ведущее место в книге.

*Отчизна,
Как тобою не гордиться!
Ты кровь и плоть, ты жизнь и боль моя!
Куда б ни занесло, я рвусь, как птица,
Из мест чужих в родимые края.*

Гордость за Родину, ощущение «земных материнских ладоней», чувство понимания, верности людей, любовь к родной степи поддерживают в поэтессе сознание счастья, личного и всенародного.

«Меня в аул любовь заманила, степная любовь опять, как мне на бешеном аргамаке по площади не помчать?»— так думает старый казах, живущий в городе. Но нет в этом противопоставления аула городу, как это имело место у иных авторов. «Песни, что у сердца я взрастила, степь, тебе от всей души дарю»— таково заклинание самой лирической героини, духовно связанной со всем народом. Для нее не безразлично и то, что происходит на всей планете, о чем свидетельствует целый раздел в книге —«**Песни отчаяния**». С болью в сердце говорит в них поэтесса о не изжитых еще на земле человеческом горе и страданиях и говорит это как бы устами Махамбета, пламенного казахского поэта-трибуна:

*Ведь в мире есть еще такие страны,
Где процветает гнилостное рабство,
Где Человек растоптан и унижен...
Он ищет справедливости,
Он ждет
Твоей защиты,
Искренне надеясь,
Что ты поймешь его страданья, боль,
Что ты поэт!
А значит — будешь драться
За солнечную правду на Земле!*

Яркая иллюстрация «гнилостного рабства» в мире — это плач вдовы на кладбище Стамбула, монолог сироты на рынке Александрии, негодование молодой женщины из шахского Ирана, исповедь индийского калеки, монологи негритянки, впечатляюще интерпретированные и воспроизведенные Ф. Унгарсыновой. Создавая таким образом омерзительную картину ужасов колониального угнетения, поэт оставляет просвет для веры героини в свободу, в победу новой жизни. «Верьте мне, люди! Я все еще верю, и разрушая, в огонь созиданья!»— восклицает негритянка в своей исповеди.

«Певица любви и счастья, дружбы и правды, Ф. Унгарсынова непримирима со всем, что угнетает и делает несчастным человека,— с насилием, ложью и несправедливостью. Это то впечатление, которое я получал всегда, читая ее книгу за книгой на казахском языке. Такое же примерно впечатление получил я и от рецензируемой ныне ее книги на русском языке. «Примерное» потому, что в переводах, выполненных шестью авторами, кроме их некоторой разностильностью, какие-то детали звучат не так, как в оригинале, какие-то вещи утеряны в переводе, хотя качество переводов — тема особого разговора.» - говорит Мухамеджан Каратаев в своей критической статье о творчестве Ф. Унгарсыновой.

«Настоящий поэтический темперамент, богатый и сложный духовный мир,

высокий накал страсти и мысли — характерные черты творческого облика Фаризы Унгарсыновой.

Фариза — поэтесса глубоко национальная, ее стихи растут из родной почвы, их лирическая героиня — истинная степнячка» - так говорит Павел Костенко в своей статье о стихах Фаризы Унгарсыновой «Земная беспокойная душа» :

*Меня в аул любовь заманила, степная любовь опять,
Как мне на бешеном аргамаке
по площади не промчат?
...Я устала в огромном городе!
Дайте мне скакуна,
седло, подбитое знойным ветром,
серебряные стремяна!
Пусть осыплет от гула скачек
листья лучей рассвет,
и я молодею от этих скачек сразу на десять лет!*
(Перевод В. Цыбина)

Без способности к состраданию, без способности ощущать болевые точки жизни, очевидно, нет поэта. Лирическая героиня Ф. Унгарсыновой наделена этим даром с почти опасной щедростью. Ее «земная беспокойная душа» «холодеет... от близкой мне боли чужой». Поэтому таким личным кажется зарубежный цикл «Песни отчаяния», где поэтесса перевоплощается то в голодного мальчика-сироту, в тоске бродящего по шумному александрийскому рынку, то в молодую вдову, рыдающую на стамбульском кладбище, то в женщину-иранку, которая внезапно бьет по щеке своего красивого спутника... Впрочем, к одному из своих «перевоплощений» - «счастливчику», преуспевающему дельцу, провозглашающему: «Что я — осел — страдать о посторонних— да пусть хоть шарик лопнет пополам!», поэтесса испытывает уже не сострадание, а гневное презрение. Равнодушие, слепое довольство собой наиболее ненавистно Фаризе Унгарсыновой, где бы поэтесса ни встретила его, и уже не зарубежные, а вполне домашние «счастливчики» вызывают ее гневные строки в стихотворении, которое и озаглавлено этим словом:

*И горести им нипочем —
слегка намочили подошвы.
И чувства — звенящим ручьем
сверкнули — и канули в прошлое!
...Не станут моею судьбой
ни жадная эта повадка,
ни это довольство собой,
ни путь их — уверенный, гладкий!*
(Перевод В. Цыбина)

Нежность, провозглашенная в названии одной из ее книг — и провозглашенная с полным основанием — у Фаризы Унгарсыновой не на виду, а в глубине души, она скрыта, защищена резкостью, колючестью, угловатостью. Только ли о нежности ее лирически-интимные стихи? Да, и о ней, но это потом, это — итог, а прежде всего — высокая духовная требовательность и к себе, и к любимому, и к миру, окружающему любовь.

*Я ревную тебя,
если гордость унижат твою,
если вдруг предадут
те, кто звался недавно друзьями.
Я ревную тебя.
Я потерянно рядом стою.
И возникшую боль
не измерить словами.
...Я ревную тебя,
если кто-то брюзжит за спиной,
если черная зависть
бежит за тобой, спотыкаясь...
Пламя ревности
Будь
неизменно, вовеки со мной
и любовь освещай,
никогда не кончаясь.*

(Перевод П. Кошеля)

Многие лучшие стихи Фаризы Унгарсыновой — это прекрасный образец современной любовной лирики. Сложное и сильное чувство в них не изолирует влюбленных от жизни мира, от истории, оно само вливается в нее, оно неотделимо от Времени.

*Двадцатый век — век взлетов легендарных,
И тяжких бед, и счастья, и тревог,
Но мы ему за то уж благодарны,
Что нам с тобой он встретиться помог.*

(Перевод Т. Кузовлевой)

*Подобно грохоту копыт,
вблизи души, как близ аула,
что буря? — время пролетит —
Я рада — я частица гула.*

Как человек необыкновенно талантливый, она видит и изображает трагичность жизни. Как человек возвышенный — полна интеллектуального оптимизма и веры в божественное предопределение торжества жизни. Как

большой писатель, она в стихах создала свою единую книгу – роман жизни со всеми ее деталями: от первых чувств, от буйных пейзажей суши и моря, от путей-дорог, невообразимо разнообразных, до сложных перипетий лирического «Я» с близкими и далекими собратьями по планете.

Вашему вниманию представлены некоторые стихи Фаризы Онгарсыновой, перевод на русский язык Т. Фроловской и др.:

Юноша

(Из монологов Ромео и Джульетты)

У любви бывает первый вечер,
По ступенькам в танцевальный зал
Ты прошла, и вдруг пронзая вечность
-Я тебя в мгновение узнал.
Может быть когда-то в раннем детстве
Человечества
Сводила нас судьба?
Я глядел, не в силах наглядеться,
Ты смахнула прядь волос со лба.
Ты краснеешь, нужно ли гаданье?
Я найду в черте твоей любой
Превосходство, силу, оправданье
Нашей вечной слитности с тобой.
Сердце бросилось считать мгновенья,
Тикает в груди секундомер,
Кончик платья мягким дуновеньем
Ветер вынес для меня за дверь.
Я влетаю - ты стоишь отгадкой
У двери, потуплены глаза.
Вдруг взглянула на меня украдкой
Все, что знал, мой взгляд тебе сказал.
Что не знал он - сердце достучало,
И уже с дороги не свернуть
-Мы с тобой пройдем всю жизнь сначала,
Души раньше нас пустились в путь.

Три встречи с Махамбетом

(Отрывки)

Растаял безмятежный праздник.
Ясней, чем солнце, легкий всадник,
И с ним померкла ясность дня.
До черной мглы сгустился воздух,

Стальных копыт железный постук
К себе самой вернул меня.
"Ты тратишь время среди пира,
Клинок алмазный точно лира,
От предков просится к живым.
Взять - твердость рук нужна и
Нежность.
Тебя же скоро безмятежность
Сразит ударом ножевым.
Я обречен быть одиноким,
А прежде помыслом высоким
Я связан был и был храним,
Как будто огражденный кругом,
Единственным в той жизни другом,
Но ангел смерти взмыл над ним.
Любил казахские преданья,
И мог народное страданье
В одной своей душе вместить,
И вихрем на врага помчаться,
Он был готов нехватку счастья
Своею кровью возместить.

Свободы пламенным дозором
Стоял, а рабство звал позором.
От первого пожатья рук,
От первого прямого взгляда,
Я был готов на муки ада,
Чтоб оградить его от мук.
Но степь - заступница былая
-Вас усыпляет, застигает
Голубизною дня глаза,
И жизни истина в забвенье,
Теперь поют о поколенья
Непризванные голоса.
И вы, притворной чести рады,
Не видите: за то награды,
Что не раскрыли подлеца.
Чуть отступаешься в сомненье,
Сто подхалимов льют презренье
Поймешь их дружбу до конца.
И в помощи тебе откажут,
И пальцем на тебя покажут.
Колчаны полны у мещан.

Как только выйдет даровитый,
Разят стрелою ядовитой,
Как Тулегена - Бекежан1.
Ты чти богатство, глупость,
Жадность,
Не смей опережать бездарность -
У них хранится про запас
Ложь, клевета, донос, бесчестье,
И ненависть, и пуля мести -
С таланта не спускают глаз.

Но одолеешь вероломство,
И благодарное потомство
Поэта голос сохранит.
Слова от времени не меркнут.
Народа память - зоркий беркут.
Народа память, как гранит".

О, дух, отверженный и сирый,
Утешься, есть в народе силы,
И ты - великий человек,
Национальная святыня.
Я голос твой, и я отныне
Петь буду твой мятежный век.

Стихи не стареют - стареют поэты,
Да разве поэты жалеют об этом?
Из клетки морщин, как печать золотая.
Жар-птица бессмертной любви вылетает.
О, вечный юнец во владении стужи -
Снега на висках, и горячие души,
Как прежде, как в двадцать, способны гореть,
Поэты душой не умеют стареть...

НА ДЖАЙЛЯУ

«Мальчик в юбке к нам идет с непокрытой головою!» –
обо мне судачат двое, где дороги поворот.
«Ногти крашены! А обувь? Точно гири на ногах,
да еще на каблуках, – осудив, хохочут обе:
- Вот так птица залетела!»

Добиралась к ним полдня. Правда. Было очень смело
так одеться, и родня не признала. Это я!
Вот невестка присмотрелась и стоит с открытым ртом,
видно, дело только в том – стрижена, не так оделась.
Я – казашка, как была, я скучала по лепешкам,
по степным моим дорожкам, по аулу, где росла.
Где лежит моя домбра?
Запою, и вы поймете: ваша я.

В круговороте
современных городов это платье мне удобней.
Выходи кто расторопней!
Я могу доить коров
и носить на коромысле два ведра,
как вы, с утра,
печь лепешки, курт сушить –
платье не мешает мысли,
как без вас могла б я жить?
Эй, невестки, эй, подружки, вестницы и хохотушки,
как придет пора прощаться, то-то будем слезы лить.

Перевод Т. Фроловской

Детвору любят все, и какой же казах
на ребенка не взглянет с улыбкой в глазах.
И когда новорожденный в юрте кричал,
обращаясь к отцу, говорил аксакал:
«Ты послушай как громко мальчишка кричит.
Значит, вырастет скоро хороший джигит».
Приносили барана, готовили той,
чтобы рос он на славу в степи кочевой.
Ну, а если не сын появлялся, а дочь,
то мужья отходили, нахмурившись, прочь,
не желая ни слова о дочке сказать,
будто только сыны могут меч удержать,
будто только сыны могут степью лететь
и за счастье народа решаться на смерть.
Сколько б ни было дочек в семье, все равно
говорили о сыне: дитя есть одно.
Но промчатся недели, слагаясь в года.
Станет дочка красою родного гнезда.
Как восходом, улыбкою степь озарит,

и поклонится ей самый лучший джигит.

Перевод П. Кошеля

Сидим, не говоря ни слова,
два полюса, два мира в нас.
О, груз молчания такого –
он на неделю иль на час?

Зачем друг друга мы с мученьем
казним невидимой виной,
зачем считаешь униженьем
склониться молча предо мной?

Мне тяжело:
может в том причина,
что я покорна не всегда,
и не склонюсь перед мужчиной:
я женщина, и тем горда!...

Перевод Т. Кузовлевой

С цепи сорвался телефон –
бегу, запутываясь в юбке.
Но нет, не ты. Развел трезвон
чужой скрипучий голос в трубке.

Звонит моих предчувствий вор –
словами ярость приодену.
Кой-как окончив разговор,
готова трубкой шмякнуть в стену.

Ну, телефон, теперь держись,
кричи хоть криком человеческим,
не подойду.
Пусть лопнет вечер,
ко всем чертям летит вся жизнь.

Звонит –
ещё не отбежала,
беру –

там все, что я хочу.
Зря телефон я обижала,
целую трубку и молчу.

Перевод Т. Фроловской

Пускай рассвет застанет нас в пути,
пускай закат застанет нас в Отраре.
Нам в тесных комнатах простора не найти.
Застой, покой людей так рано старят.

Дай руку мне – кровь предков не молчит.
Степь широка, и бег коней горячих
в такие дали звездные умчит,
где и мираж пустынный не маячит.

Умчимся через плешь солончака
от скуки прозябанья – не догонит!
Свой хлеб разделим с чайками. Рука
твоя в моей, и добры наши кони,
и приотстал знакомый свист погони.

Летим! И перед жизнью прежний страх
рассеется, ведь ветер с нами дружен.
Но ветер обессилел в городах –
ему, как нам, простор для жизни нужен.

Перевод Т. Фроловской

Ты ягод грусти с песен не срывай.
Колючий – песня – куст, и ягод много.
Певца любви не торопись судить,
не лги, что грусть – черта другой эпохи.

Напраслина в обертке укоризны!
Не спрашивая, вижу я насквозь:
ты не любил и лишь по небылицам
выносишь ты сужденья о любви.

Чем больше любишь, тем полней печаль,
и скорбь любви не слушает упреков,
а рвется к утешенью. Помолчи!

Когда полюбишь, приходи – расскажешь...

Перевод Т. Фроловской

Какое счастье –
Говоря без слов,
Одним лишь взглядом
В тайное проникнуть,
Читать любви нечитанную книгу,
Где наслаждением дышит каждый слог.

Какое счастье –
Разум приглушив,
Изведав страсти жаркое блаженство,
С хвалёной независимостью женской
Сказать: прощай!
И... слёзы лить в тиши

Какое счастье –
Не смыкая глаз,
На чудо невозможное надеясь,
И день и ночь в печали холодея,
Всё ждать и ждать,
Что ты войдёшь сейчас.

Какое счастье!

Перевод Т. Фроловской

Разгул цивилизованного шума
Пошлём к чертям! Сбежим! Вот родники
Целуются с землёй, как пух, легки.
Зовут к себе стоцветных гор верхи.
Погоню скучных дел опередила дума.
Эпический батыр позвал меня на край
Земли, оседлан вороной двукрылый...
Я – нежная красавица, мой милый,
Мне без тебя весь этот мир постылый –
Пустыня... Пеклом был прохладный рай.
Искрятся небеса в копытах аргамака,
А дикое зверьё попряталось в лесах –
Летим в созвездие Весов, и на весах

Взлетела чаша тишины и мрака.
Я вся твоя, я – вещество любви,
И нет, кроме тебя, мужчин на свете.
Зов хитреца освистан – свищет ветер,
А ты меня хоть на костёр зови!
Луна – прикол; привяжем вороного!
Прозрачны мы, от счастья не пойму,
О чём я плачу звёздами во тьму,
Над чем смеюсь?.. Смеюсь и плачу снова.

Перевод Т.Фроловской

Верблюжья колючка

В пустыне обещана встреча с верблюжьей колючкой.
Пока в разысканье судьбы мы по небу витали,
ее красотой любовались, как долею лучшей,
поэт и философ, чабан и паломник-скиталец.
Пустыня течет, точно время песочных часов, —
в обход, вперерез караванные вьются дороги;
здесь жизни немного — с десятков колючих кустов,
расставив иголки, торчат на пути, недотроги.
Не то что три пальмы, одной не найдешь днем с огнем,
лишь немилосердные стебли верблюжьего корма,
наколемся взглядом на них и опять оживем,
припомним их бледные многометровые корни.
И праздно, и звездно раскинувшись над головой,
пустынное небо песок равнодушьем оспорит.
Душа вдруг взъершится, цепляясь за стебель живой,
который от жажды цветенья такыры пропорет.
Цветущей колючкой торчу у ветров на пути,
как стебель шершавый, цепляюсь корнями за землю.
Мне хочется тоже из недр многожильной расти,
в песках горемычных и вечных бессмертие — зелень.

Татьяна ФРОЛОВСКАЯ

Случай в автобусе

Автобус в час «пик»
До отказа набит.
Я еле стояла —
Толкучка такая...
«Садитесь, пожалуйста!»—
С места вставая,

Ко мне обратился вдруг
Модный джигит.
Шучу:
Уж не плохо ли видит он?
Неужто я выгляжу
Старше старушки,
Что рядом со мной
Опиралась на клюшку?
И глянула так,
Что он выскочил вон...
Да, горько встречать
Среди наших парней
Пижона:
Себя-то культурным считает,
Да только таким он
Однажды бывает:
Пред девушкой —
Лишь бы понравиться ей...

(перевод Л. Скалковского)

Твоя любовь, чураясь показного,
Была чем утаенней, тем видней —
Ты о любви не проронил ни слова,
Ты говорил поступками о ней.
А я тебя ценила слишком мало,
Беспечная по молодости лет,
И поняла повинно, запоздало —
Другой такой души на свете нет.
Пришла пора — жизнь рассудила круто,
Дороги наши резко развела,
И зябнет сердце, нет ему приюта,
И лишь в надежде — толика тепла.
Все неотступней думаю, все чаще
Лишь о тебе, и среди ночи вдруг,
Боюсь, опять разбудит жест манящий,
Манящий эов ко мне простретых рук...

Лелеять легкомысленный успех,
Выслушивать признания от всех —
Ну не тщета ли это?
Хранить в безвестье скромном предпочту

Долг сердца, нераздельную мечту,
Достоинство обета.

Перевод В. Пальчиков

из Антологии казахской детской поэзии

Где лучше

Днем
Я в садике играю,
Ночью
Сплю в своей кроватке.
Я себя не понимаю -
Странный у меня характер.

На ресницах сна истома,
Я закрыть готова глазки,
Как мне нравится быть дома,
Слушать бабушкины сказки!

А проснусь, затороплюсь,
Быстро в садик соберусь.
В группе книжки, и игрушки,
И любимые подружки.

Но чуть вечер за окном,
С бабушкой домой идем.
Лучше где?
Ответьте, братцы,
Мне самой не разобраться.

Перевод В. Киктенко.

Летом

Мы пройдем по горам и долинам,
Всеми тропками отчего края.
Жажда нового неутолима.
Ветерок наши лица ласкает.

Рассмеется от радости речка,
Если в речку мы бросимся разом.
Вечерком мы пойдем на встречу -
Ветерана слушать рассказы.

Мы костер разведем умело,
Наша песня взлетит, как стая.
Мы отцов великое дело
Продолжать будем не уставая.

Над вершинами покоренными,
Полыхают знамена алые,
Но дороги зовут колонны
На вершины еще небывалые.

Перевод В. Киктенко.

Верблюжонок

Маленький верблюжонок,
Миленький верблюжонок -
Бархатистые влажные глазки -
Я к тебе подойду без опаски.

Верблюжонок, тебя я люблю
Больше куклы своей глазастой.
Я тебе тихо песню спою,
Загляну в твои гла'зки с лаской.

Буду я тебя нежить, лелеять,
Трогать спинку твою и шею,
Как тебя твоя мама жалеет,
Так и я тебя пожалею.

Ты не бойся меня, мой родной,
Ведь меня моя мама встречает,
Говоря, верблюжоночек мой,
И целует меня, и ласкает.

Перевод В. Киктенко.

Использованная литература:

1. Баруздин, С. Казахская литература: учеб.- хрестоматия. Ч. 2 / Назарова О. В.; В. В. Литвиненко.- Астана: Фолиант, 2007.- С. 386-390.
2. Косенко П След: библиографическая повести и литературные портреты // П. Косенко. - Алма-Аты: Жазушы,1980. - С. 264-265
3. Каратаев М. Новые горизонты статьи, портреты. - Алма-Аты:Жазушы,1979. - С.321-324.
4. Литературный Казахстан — 2009. - № 1. - С. 58-67.
5. Антология казахской детской поэзии: пер. с каз / сост. М. Алимбаев, К. Баянбаев; вступит. ст. С. Кирабаева; худож. Е. Бейсенбинова.- Алма - Ата: Жалын, 1983.- С. 273-274.
6. Антология казахской советской поэзии. В 2-х т: т.2 / сост. Ж. Омирбек, С. Санбаев.- Алма - Ата: Жазушы, 1972.- С. 401-405.
7. Алем: лит.- худож. альманах. Вып.1 / гл. ред. А. Сейдимбеков.- Алма - Ата: Жазушы, 1991.- С.260-262.
8. источник: lenta.ru
9. <http://www.zhensovet.kz/content/ongarsinova-fariza>
- 10.<http://www.ld-time.ru/pojezija/avtorskij-format/1202-lna-dzhajlyaur-stixotvoreniya-farizy-ongarsynovoj.html>
- 11.<http://www.tarih.spring.kz/ru/history/independent/figures/ongarsynova/>

Составитель: Есикеева Ш.Ш.